

Ветер и снег Бэйдахуана с яростным свистом бились в окна поезда. На стеклах расцвели причудливые ледяные узоры, озаренные тусклым светом станционных фонарей, который рассыпался по ним мириадами завораживающих разноцветных искр.

Эти причудливые кристаллы были так прекрасны, что дух захватывало. Казалось, они могли увлечь Лу Пиньяня, неотрывно смотревшего на них, в какой-то сказочный мир.

Впрочем, так оно и было. Юноша, прильнувший к окну, до сих пор не мог поверить в реальность происходящего.

Это просто... Ох, даже слов нет. Кто бы мог подумать? Кто бы мог в такое поверить?

Еще секунду назад он пил ледяное пиво и закусывал шашлыком, сидя напротив девушки, которую с таким трудом удалось вытащить на свидание. Местная шашлычная была хороша, да и спутница попалась что надо — настоящая красotka. Лу Пиньянь уже начал мечтать о грядущей бессонной ночи, как вдруг откуда-то прилетела пивная бутылка и точно угодила ему в затылок.

В голове помутилось, он клюнул носом прямо в тарелку с жареным луком-пореем, а очнулся уже на больничной койке в госпитале гарнизона города Цзямусы в Бэйдахуане.

Едва открыв глаза, он почувствовал, как в мозгу, словно на экране неисправного проектора, замелькали обрывки чужих воспоминаний. Казалось, кто-то невидимый безжалостно сминал и терзал его сознание, отчего Лу Пиньяню стало так дурно, что к горлу подступила тошнота.

Спустя некоторое время этот хаос утих, оставив после себя горькое осознание: он попал в прошлое. Перенесся в тело тезки-интеллигента, сосланного в Бэйдахуан.

Будучи современным человеком, который на досуге перечитал немало романов о попаданцах, Лу Пиньянь адаптировался довольно быстро. Он не стал, подобно другим героям, впадать в истерику, не пытался искать способы вернуться в свое время и даже не переживал о родителях. Напротив, он испытал облегчение: теперь им не придется горбатиться, оплачивая его ипотеку, машину и гадая, появятся ли у него когда-нибудь дети.

Небо пало, настала пора желтого неба! Кто бы мог подумать, что и на моей улице будет праздник? Посмотрим, как я здесь развернусь! Кстати, остаться ли мне в индустрии развлечений, чтобы стать местным Цао Цао, или отправиться в Гонконг собирать гарем? Эй, а где же моя система?

Награда за вход? Рыбалка в иных мирах? Пространство с волшебным источником? Супермаркет? Давай сюда, я готов к заданиям! Неуязвимость, бесконечная выносливость, пространственный карман, управление зверями — сгодится что угодно, я не привередлив!

Но как бы он ни взывал к высшим силам, в голове не было ни звука. Странно. Он попытался освежить в памяти прошлое этого тела, но воспоминания словно канули в бездну, оставив лишь смутные, обрывочные образы. Это было похоже на пробуждение после сна: вроде бы помнишь детали, но стоит попытаться вспомнить их снова, как всё исчезает, оставляя лишь самые яркие фрагменты.

Да ладно? Никакого бонуса? И мне теперь придется, как героям корейских дорам, страдать от амнезии? Да вы шутите!

Вдыхая резкий, специфический больничный запах хлорки, Лу Пиньянь с трудом приподнялся и огляделся.

Белые простыни, белые занавески, железные кровати, старомодные стойки для капельниц. Пол из терраццо, покрашенные зеленой краской панели на стенах, витые провода и тусклая лампочка под потолком. На чугунном радиаторе в углу стояла эмалированная кружка, от которой к потолку поднимался тонкий струйка пара.

На тумбочке у кровати висела деревянная дощечка, прижатая большим железным зажимом, а к ней — лист с назначением:

Имя: Лу Пиньянь

Возраст: 17 лет

Подразделение: 14-й полк, 2-я дивизия

Лекарства: ...

Почерк был таким неразборчивым, что вполне соответствовал старым традициям медицинской службы: имя и часть еще можно было разобрать, а вот названия лекарств напоминали каракули безумца. Попытаться понять по ним, что случилось с прежним владельцем тела, было бесполезно.

Лу Пиньянь посмотрел на иглу в тыльной стороне ладони и решил пока не выдергивать ее. Он пошевелился, чувствуя себя вполне сносно, и, неловко сбросив одеяло, встал с кровати.

Ему нужно было увидеть свое отражение. Если он стал писаным красавцем, то можно смириться с отсутствием системы. В конце концов, быть альфонсом — дело приятное, кто пробовал, тот знает!

В палате зеркал не было. Лу Пиньянь снял капельницу, мельком глянул, что лекарства осталось еще много, и, придерживая флакон, вышел в коридор.

Его старые ватные ботинки, надетые без задников, шлепали по полу, издавая в тишине полумрака пугающие звуки. Но Лу Пиньяню было не до того — он искал зеркало.

В коридоре ничего не нашлось, и он решил попытать счастья в туалете в конце этажа. В его времени зеркала были везде, может, и в эту эпоху они висели там?

Не успел он войти, как из туалета выскочил врач в белом халате. Увидев в темноте Лу Пиньяня, он так испугался, что, закрыв глаза и обхватив себя руками, присел на корточки и завопил на весь госпиталь:

— Помогите! Насильник!

Лу Пиньянь остолбенел:

— Что вообще происходит?

Словно потревоженный осиный рой, из всех палат, с верхних и нижних этажей, с шумом и гамом высыпала толпа людей.

Ошарашенного Лу Пиньяня смели прежде, чем он успел хоть что-то сказать. Флакон с капельницей разбился вдребезги, а самого его повалили на пол.

Лу Пиньянь чувствовал только, как десятки тяжелых ботинок в сопровождении отборной брани обрушиваются на него со всех сторон. Он свернулся калачиком, пытаясь защитить голову. Уже теряя сознание, он понял: надо было бежать! Хотя бы не получил бы так быстро по голове! Но за что?!

В пятницу утром пациенты, их родственники и персонал больницы, завтракая, слышали из динамиков треск помех. Но вместо привычных революционных песен зазвучал строгий голос:

— Кхм-кхм. Товарищи, боевые товарищи! Довожу до вашего сведения результаты расследования инцидента, произошедшего два дня назад в терапевтическом отделении. Надеюсь, каждый извлечет из этого урок, усилит дисциплину и повысит профессионализм, чтобы подобное никогда не повторилось.

В ходе следствия выяснилось, что пациент Лу Пиньянь, очнувшись после длительной комы, в состоянии дезориентации оказался у входа в женский туалет на втором этаже, где столкнулся с интерном Мэй Вэньпин.

Интерн Мэй Вэньпин, дежурившая в ту ночь, вместо того чтобы проявить профессионализм и оказать помощь пациенту в заметной больничной пижаме, подняла крик, обвинив его в домогательствах. Это ввело в заблуждение пациентов и их родственников, что привело к длительному и жестокому избиению Лу Пиньяня с использованием кулаков, тазов, плевательниц и ночных горшков.

Данные действия нанесли вред здоровью пациента и усугубили его состояние.

Решением руководства госпиталя интерну Мэй Вэньпин объявлен строгий выговор.

Однако, принимая во внимание небольшой стаж работы, добросовестное отношение к обязанностям, чистосердечное признание вины и готовность компенсировать ущерб, руководство считает, что она поддается исправлению.

Решено: интерну Мэй Вэньпин публично покаяться на ближайшем собрании под надзором общественности. В случае повторения подобных принципиальных ошибок будет рассмотрен вопрос о ее профпригодности с занесением в личное дело.

<http://bllate.org/book/18528/1782158>